

Ма Ваньхуа

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СМЕНА ПАРАДИГМЫ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ. ОПЫТ КИТАЯ¹

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2007 г.

Обозревая многочисленные изменения в высшем образовании Китая за последние тридцать лет, нельзя не отметить воздействие макроуровневого контекста, в котором они происходили. В конце 1960-х годов экономика Китая стояла на пороге банкротства, школы по всей стране были закрыты почти четыре года, структуры социального, политического и культурного управления почти полностью утратили эффективность. Однако Китай сумел удержаться от погружения в хаос; к концу 1970-х годов страна в большой мере преодолела внутреннюю идеологическую напряженность, а затем и специфическое брожение конца 1980-х, и азиатский финансовый кризис конца 1990-х годов, выстроив систему, обеспечившую стабильный и удивительно быстрый экономический рост. Начиная с 1990-х годов темпы роста китайской экономики составляли от 8 до 10% ежегодно. Важно подчеркнуть, что Китай смог выстроить эту систему, избежав погружения в социальный и политический хаос. Ее создание сопровождалось социальными преобразованиями, которые позволили осуществить не менее стремительные изменения в системе образования. В данной главе Китай рассматривается как пример большого, стремительно развивающегося общества переходного периода, в котором изменения в высшем образовании играют центральную роль в социальной трансформации. И хотя многие из этих изменений специфичны для Китая, возможно, из его опыта могут быть извлечены уроки, полезные для других переходных обществ, ведущих поиски новых форм и практик в сфере образования.

Маргинсон и Роудс [4] изобрели термин «глонакальный» (glonacal) для обозначения увязывания глобальных, национальных и локальных сил и игроков в процессе глобализации. Привлекая внимание к вертикальному измерению политических перемен, глонакальный взгляд позволяет интерпретировать, в частности, реформы в Ки-

Kaifang (кай фан) и экономическая глобализация

¹ *Ma Wan-hua. Globalization and paradigm change in higher education: The experience of China // Changing Education. 2007. P. 163–182 (пер. с англ. И. Фридмана).*

тае как внутренне сложные и многоуровневые феномены. Тем не менее, как подчеркивает Мейсон [5], применивший теорию сложности для понимания динамики политических преобразований, сложные изменения в сфере образования происходят не в строго определенном порядке — от глобального уровня к национальному и затем локальному, — а, скорее, в виде функции разнонаправленных воздействий, зависящих от специфических исторических и контекстуальных факторов, многие из которых могут быть уникальными (присущими только данной местной, национальной или региональной ситуации). В случае китайского высшего образования полезно совместить концепцию глонакальности Маргинсона и Рудса — как аналитический инструмент, позволяющий сконцентрировать внимание на взаимоотношениях трех уровней контроля, — и идеи Мейсона, обратившегося к теории сложности, что позволило ему выявить многоуровневую динамику перемен.

Вопреки бытующему в обществе (и среди некоторых политиков) мнению экономический рост зависит не только от сочетания дешевой рабочей силы на местном рынке и объемных иностранных инвестиций. Хотя есть большая доля правды в представлении о рынке как о саморегулирующейся и самоорганизующейся системе производства, обмена и потребления, верно и то, что только государственное управление и инициативы правительства могут направить динамику развития рынка таким образом, чтобы она шла на пользу национальным интересам. Для поддержания национального экономического роста требуются творческие политические идеи по созданию и адаптации системы управления, быстро реагирующей на изменения обстановки и координирующей усилия по развитию страны. Для этого необходимо провести также и следующие меры: долгосрочное стратегическое планирование, которое позволило бы мобилизовать имеющиеся социальные силы; повышение культуры реформирования институциональных структур, которые являются неоптимальными или плохо согласуются с сегодняшними реалиями в промышленности, сельском хозяйстве и обществе в целом; четкую оценку социально-экономических систем в категориях их рекурсивного, возобновляющегося воздействия на развитие страны. Короче говоря, несмотря на то что в литературе о глобализации настойчиво рекомендуется «децентрализаторский» подход, государство до сих пор играет важную роль в определении курса развития и оптимизации темпов социальных изменений.

Перемены, которые произошли в Китае за последние три десятилетия, столь фундаментальны, что практически ни один аспект социальной жизни не остался неизменным. И высшее образование не является исключением. На системном уровне изменения в китайском высшем образовании коснулись его распространения, диверсификации, массовости и коммерциализации. Каждое из этих изменений произошло под воздействием как национальных, так и глобальных экономических, политических и социальных движущих сил («драйверов»).

В гл. 1 данного тома (см. сноску 1 на с. 33) Дин Нейбауэр обсуждает характеристики глобализации, которые включают, среди прочего, обмен не только товарами, но и ценностями и символами, приватизацию социальных функций, все более неопределенную природу государства и растущее неравенство. В такой стране, как Китай, — в стране, где происходит переход от плановой экономики к рыночной, — легко увидеть эти многочисленные динамические элементы, генерирующие новые идеи и отношения, в свою очередь стимулирующие продвижение реформ.

Глобализация в Китае — не такой уж новый феномен. Международная торговля велась в Поднебесной с начала первого столетия новой эры с использованием Шелковых путей, связывавших имперский Китай с обществами Центральной Азии, Среднего Востока и Европы, а каждая торговая миссия адмирала Жень Хе в начале XV в. включала более 300 кораблей и около 30 000 солдат, торговцев и дипломатов. Но лишь сравнительно недавно процесс глобализации стал рассматриваться как центральный фактор экономического развития и социальных преобразований, отражающих изменения как в самопонимании Китая, так и в глобальном историческом процессе, связанном с эпохой модернизации. В конце 1970-х годов термин «открытость» (кай фан) добрался до валюты; в плане экономической политики эта категория ассоциировалась с устранением препятствий для международной торговли и инвестиций. Целью такой политики была активизация восприимчивости к новым идеям и новым путям реорганизации экономики страны.

Среди самых очевидных результатов политики, вдохновленной идеями открытости, можно назвать Шенжен, который стал первой в Китае зоной свободной торговли и за двенадцать лет превратился из небольшого городка в мегаполис с населением свыше 5 млн человек. Впоследствии были созданы и другие особые экономические зоны; бурную экономическую жизнь, стимулируемую совместными инвестициями, можно наблюдать в Шанхае, Гуаньчжоу и многих других прибрежных городах Китая. Вдобавок к такому прямому — и в большой мере запланированному — эффекту политика открытости имела и важные побочные последствия. Например, когда «Макдоналдс» открыл свое первое заведение в Пекине, он не только предлагал еду, представлявшуюся китайцам экзотической, но и приносил с собой новый вид обслуживания, новый стиль питания и в каком-то смысле демонстрировал новый стиль жизни. Ирония ситуации состоит в том, что в то время как в Америке «Макдоналдс» ассоциируется с дешевым фастфудом, в Пекине он символизировал богатство и высокий социальный статус. Когда люди начали размышлять, как и почему подобная еда приобретает популярность во всем мире, они поняли, что бизнес-стратегии, принимающие во внимание культурную психологию, могут поднять конкурентоспособность предприятий подобного профиля — урок, который оказался очень полезным для развития пищевой промышленности и сферы услуг в Китае.

Еще более непосредственное отношение к настоящей дискуссии имеет то обстоятельство, что по мере того как все больше иностранных компаний основывали свои филиалы в Китае, становилась все более очевидной потребность в новых местных талантах. Обитание в бизнес-среде, характеризующейся интенсивным пространственно-временным сжатием и ускорением, создавало потребность в рабочих, способных достигать более высокой производительности труда, проявлять большую индивидуальную инициативу — и делать это во все более интеркультурных условиях. Молодые мужчины и женщины, работающие в международных корпорациях и учреждениях с высокой заработной платой, не только получают хорошие деньги и высокий статус, но и приучаются к новому — позитивному — отношению к социальной мобильности и разного рода изменениям. Это особенно характерно для представителей молодого поколения, многие из которых устремились за границу за знаниями и образованием. Движение «Учимся за границей» (liuxuechao), начавшееся в середине 1980-х годов, продолжается по сей день, сохраняя притягательность и практическую ценность для многих молодых людей. В ответ на вызовы времени китайское высшее образование стало проводить политику открытости по отношению к инновациям в подготовке национальной рабочей силы и обучении новым знаниям.

Университетские преподаватели, которые получили дипломы у себя на родине и не были удовлетворены своей маленькой зарплатой и большой нагрузкой, оставили учебные заведения, чтобы «окунуться в море бизнеса». И среди молодых преподавателей многие пустились в погоню за экономическими выгодами дома и за границей. Немало университетских профессоров и студентов, учившихся за границей в конце 1980-х — начале 1990-х годов, предпочли там и остаться — из-за разницы в уровне жизни и исследовательских возможностях. Поэтому вместо творческих умов, возвращающихся из-за границы обогащенными, чтобы укрепить родину при помощи науки и образования, страна столкнулась в 1990-е годы с проблемой утечки мозгов. Имеющаяся статистика показывает, что с 1978 г. 700 000 китайских студентов уехали учиться за границу и только 179 000 из них вернулись, хотя в последние годы количество вернувшихся, судя по всему, возрастает.

Политика открытости стимулировала еще одну важную перемену, которая продолжает играть большую роль в определении траектории развития Китая и в динамике реформирования базового и высшего образования. Открытость означает также предоставление возможности свободно мигрировать внутри страны и открывать свой бизнес. До 1978 г. китайская рабочая сила строго контролировалась при помощи обязательной регистрации в местных рабочих союзах, или коммунах, известных под названием *danwei*, но затем ситуация изменилась. Сначала коммунам было разрешено сдавать в аренду свою землю фермерам на 30 лет; с конца 1950-х до середины 1970-х годов китайские фермеры работали

как «желтые коровы» (*laohuangniu*) из пословицы (метафора, обозначающая тех, кто свято верил в коммунистическую идеологию и посвящал всю свою жизнь воплощению этих идей), но это не спасало коммуны от бедности и нехватки самого необходимого для ведения хозяйства. Реформы китайской экономики по-настоящему затронули деревню только после того, как тысячи фермеров начали закладывать и покидать свои земли в стремлении заработать в городах или в других местах. Земельная реформа освободила фермеров от круглогодичной — по сути крепостнической — привязанности к земле. Некоторые из превратившихся в мигрантов фермеров быстро разбогатели и получили прозвище *dakuan* (богачи с плохими манерами); другие стали безземельными скитальцами, сводящими концы с концами за счет случайного заработка на окраинах городов. Прожив несколько лет в городах, многие неквалифицированные работники (среди них было немало таких, кто не умел ни писать, ни считать) распрощались с мечтами о богатстве и процветании. Однако вернувшись домой, многие из них обнаружили, что не могут заново адаптироваться к деревенскому образу жизни.

Несмотря на эти и многие другие реальные и хорошо известные риски, миграция фермеров не прекратилась. Люди продолжали просачиваться в города — не в последнюю очередь из-за того, что в 1990-е годы работа, в том числе и фермерская, в сельском хозяйстве едва окупалась, а также потому, что разрыв в доходах между городом и селом только увеличивался. Такие города, как Пекин, быстро разрастались за счет новоприбывших искателей удачи — сезонных рабочих-строителей и людей, открывавших свой бизнес. По данным официальной статистики, в Пекине в настоящее время проживает 3 млн мигрантов, но их реальное количество может достигать до 4–5 млн, потому что многие не регистрируются. В масштабе всей страны количество мигрантов исчисляется сотнями миллионов человек, многие из которых вынуждены трудиться в условиях ненормированного рабочего дня, несоблюдения правил техники безопасности и произвола со стороны работодателей; все эти факторы приводят к обострению социального неравенства.

Важно отметить, что в то самое время, когда сельские жители переселялись в города, многие рабочие государственных фабрик и заводов были уволены — совсем или временно — из-за сравнительной неэффективности государственных предприятий в новых, конкурентных производственных условиях. Большинство уволенных были неквалифицированными рабочими в возрасте 40–50 лет; в конечном счете они были вытеснены из активной жизни и принуждены жить на пособие, которое стало совсем мизерным после того, как китайское правительство начало поощрять приватизацию в социальной сфере, например в здравоохранении.

Все эти процессы — зачастую сопровождавшиеся трагическими «побочными эффектами» стремительного, стимулируемого рын-

ком экономического роста — привели к обострению потребности в улучшении образования и облегчении доступа к нему, с тем чтобы оно стало достоянием не только узкой прослойки людей, непосредственно связанных с новым международным бизнесом и инвестициями. Сельская и городская беднота и, что следует подчеркнуть, центральное правительство осознали важность совершенствования системы образования как средства улучшения условий жизни и как гарантии против роста социальной нестабильности.

В эпоху кардинальных социальных и экономических сдвигов повышение уровня знаний и профессиональной квалификации рассматривается многими учеными как один из решающих элементов поддержания темпов и расширения масштабов развития. Китай не является в этом плане исключением. После введения политики открытости возникла острая потребность в творческих умах, способных адаптироваться к изменяющимся условиям, возникающим на разных стадиях и уровнях экономического развития в переходный период. До эпохи реформ программы колледжей и университетов были сфокусированы преимущественно на идеологической и политической подготовке в ущерб поощрению креативности. Кроме того, жесткие критерии отбора не давали многим молодым людям возможности получить высшее образование. Проведенная за последние двадцать лет серия национальных реформ в высшем образовании была продиктована социальной необходимостью, экономическими реформами и потребностью в усилении интеграции страны в процесс глобализации.

Первой важной реформой было расширение системы. В 1978 г. во всей стране было около 400 институтов, дающих высшее образование. Между 1978 и 1985 г. было открыто более 600 новых вузов, в результате в 1985 г. общее количество институтов превысило 1000. Расширение системы сопровождалось ее диверсификацией. Центральные власти выработали политику, направленную на предоставление частному сектору возможности открывать колледжи и университеты, финансируемые коллективными или частными фондами; первый неправительственный колледж был основан в Пекине в 1982 г. С тех пор наблюдалось бурное развитие таких университетов и колледжей, управляемых различными неправительственными (в основном частными) организациями и лицами. Появление таких университетов и колледжей в Китае отражает некоторую «либерализацию» идеологии: поощряя их создание, власть имплицитно признает, что общее благо может производиться и в частном порядке. Сегодня существует более 1300 таких вузов, в них учатся более миллиона студентов.

В целом китайская система высшего образования достигла удивительно высокого уровня. Изначально выпускников вузов готовили к «целевой» профессиональной деятельности, особенно в государственном секторе. Теперь студентам дают общее образование, в том числе и тем, кто закончил два-три курса в других институтах. Сегодня приблизительно 1,2 млн студентов получают в

вузах профессиональную подготовку относительно широкого профиля. Кроме того, существует программа самообучения, реализуемая Национальным экзаменационным центром. Хотя ее цель — предоставить гражданам возможность повышать свое образование на протяжении всей жизни, эта программа привлекает многих молодых людей, не имеющих шансов поступить в колледж. В Китае негосударственные колледжи и университеты до сих пор находятся в стадии развития: законы, защищающие их права и определяющие их ответственность, были приняты лишь в 2002 г. Даже теперь эти колледжи и университеты, как правило, во многом уступают государственным из-за проблем с финансированием и преподавательским составом. Сегодня в китайском высшем образовании действуют 1081 постоянный государственный институт, более 1300 негосударственных и 689 вечерних и заочных. Благодаря расширению и диверсификации системы количество зачисляемых в вузы студентов резко возросло: за последние двадцать лет уровень зачисления студентов в целом достиг 18% от числа выпускников средней школы, имеющих право на поступление. Согласно классификации Трой [7] китайское высшее образование находится сегодня в стадии нарастания массовости.

По мере того как Китай постепенно открывался миру, становилось все более очевидным, что новая, динамичная экономическая политика, делающая акцент на информационных технологиях, акселерации роста знаний и углублении международной кооперации, не может проводиться рационально и эффективно при помощи старых организационных структур. Требования автономии и увеличения полномочий, позволяющих принимать самостоятельные решения, пришли как из промышленного, так и из образовательного секторов. Как мы видели, государственное высшее образование впервые претерпело структурно-организационные преобразования в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Большинство реформ было проведено в соответствии с руководящими указаниями, содержащимися в двух важных документах: «Решении о реформировании системы образования», принятом Центральным комитетом Коммунистической партии Китая в 1985 г., и «Основах реформирования и развития образования в Китае», принятых в 1993 г. Эти два документа наметили направления структурной трансформации высшего образования в Китае. Как указано в «Основах реформирования и развития образования в Китае», цель высшего образования на 1990-е годы состоит в ускорении экономической реформы путем использования новых подходов для увеличения ее масштабов и совершенствования ее организационной структуры.

Как хорошо известно, изначально структура высшего образования Китая была скопирована с советской системы начала 1950-х годов, организованной преимущественно по областям знаний. Целью этой системы была подготовка специалистов для социалистического строительства. Для того времени эта модель оказалась

Fangquan
и изменения
в структуре
управления
образованием

полезной, поскольку она удовлетворяла потребности страны в кадрах, необходимых для восстановления хозяйства после длительного периода войны, однако по мере того как экономика росла, диверсифицировалась и становилась все более интернациональной, этот высокоспециализированный подход к развитию человеческих ресурсов перестал удовлетворять требованиям времени. Сегодня, в век глобализации, политическое руководство Китая взяло курс на более всеобъемлющую и общую форму высшего образования. Университет общего профиля был принят за образец для обычного вуза: в 1990-е годы из 612 колледжей и университетов было путем слияния сформировано 250 вузов. Например, Пекинский медицинский университет был преобразован в 2000 г. в Пекинский университет. Пекинский институт искусств и ремесел был преобразован в Университет Циньхуа. В Чанг Чуне, столице провинции Жилин, несколько университетов — Jilin University of Technology, Bethune Medical University, Jilin University of Agriculture, Jilin Institute of Post and Telecommunications и Changchun Institute of Geology — слились в один новый Университет Жилин. Партийное руководство обосновывало необходимость слияний двумя главными аргументами: оно дает возможность более рационально использовать институтские здания для подготовки квалифицированных специалистов широкого профиля и обеспечивает более активное участие университетов в международной конкуренции и кооперации.

Администрирование новой системы высшего образования стало для китайского руководства одним из главных вызовов времени, поскольку экономическая структура страны и рынка труда изменились, а социальный запрос на получение высшего образования продолжает расти. Многие западные исследователи используют для описания изменений в администрировании системы высшего образования в Китае термин «децентрализация». Джон Хоукинс [2] применяет для характеристики природы реформы администрирования и управления китайским высшим образованием такие термины, как централизация, децентрализация и рецентрализация. В Китае же используется термин *fangquan*, который означает «передать больше полномочий по принятию решений низшим уровням управления». В этом *fangquan*-процессе Министерство образования осуществляет управление на макроуровне. Это чем-то напоминает процесс, описываемый английским понятием «децентрализация», хотя термин *fangquan* обозначает прежде всего передачу университету дополнительных полномочий по принятию решений. В этом отношении самые существенные изменения касаются «перенастройки» взаимоотношений между правительством и институтами высшего образования.

До 1970-х годов высшее образование в Китае было чрезвычайно централизованным и строго контролируемым; это означало, что все университеты и колледжи находились прежде всего под контролем центрального правительства, хотя они были подчинены и

различным министерствам той или иной провинции. Колледжи и университеты не могли зачислить студента без разрешения Министерства образования. Центральное правительство отвечало за предоставление базового финансирования, назначение штатного руководства, утверждение новых академических программ, отбор учебников и даже расписания занятий университетов. С тех пор как был запущен *fangquan*-процесс, центральное правительство ограничивается только макроконтролем, который производится через законодательные решения и инспекционные оценки работы вузов. Ушел в прошлое осуществлявшийся ранее центральным правительством микроменеджмент, который охватывал повседневную практику сектора высшего образования. Теперь каждый институт имеет право производить изменения в программе в пользу тех или иных областей знаний, развивать отношения сотрудничества с промышленными и исследовательскими организациями, предлагать краткосрочные курсы обучения в дополнение к регулярному расписанию и назначать или смещать с должности вице-президентов, администраторов среднего звена управления и преподавателей — штатных сотрудников факультетов. Каждый институт может также основывать свои образовательные, исследовательские и производственные филиалы. Кроме того, новая политика позволяет институтам получать дополнительные доходы от обучения на подготовительных курсах, исследований и консультаций, переподготовки кадров по специальным программам, производства на управляемых вузами предприятиях и других услуг, оказываемых промышленности и различным сообществам. Университетам также разрешено получать социальные пожертвования, в том числе и в форме частного спонсорства.

Важно отметить, что реформы в китайском высшем образовании имеют кроме экономической и гражданскую цель — мобилизовать все возможные ресурсы для повышения образовательного уровня нации, чтобы удовлетворить постоянно возрастающие социальные потребности в высшем образовании. Однако, хотя в последние годы китайская экономика демонстрирует стабильный рост, уровень государственных инвестиций в высшее образование остается сравнительно низким. В 2004 г. инвестиции в высшее образование составили 3,14% от ВВП, что ниже мирового среднего уровня, составлявшего в 2000 г. 4%.

Чтобы залатать дыры в финансировании вузов, используется стратегия *gongjian* («собирать воедино»), предполагающая мобилизацию ресурсов из различных источников. В связи с использованием этих двух стратегий — *fangquan* и *gongjian* — колледжи и университеты государственного сектора могут быть теперь поделены на три категории по типу администрирования. Среди постоянных институтов высшего образования, которых сегодня насчитывается 1081, около 100 находятся под полным административным контролем государственного Министерства образования. Большинство институтов управляются как Министерством образо-

вания, так и местными правительствами, более мелкие институты подчиняются только местным правительствам. Таким образом, правительства провинций и муниципальные правительства также отвечают за финансирование государственного высшего образования. Хотя мы почти не располагаем статистическими данными о том, какую долю инвестиций вносят в учреждения высшего образования местные правительства, ясно одно: университеты, расположенные в провинциях, финансируются лучше, чем раньше.

Shuangying и коммерциализация высшего образования

За последние несколько лет среди представителей университетского руководства, властей и профессоров часто разгорались жаркие споры по поводу коммерциализации высшего образования в Китае. Почему эти дебаты были столь бурными? Могло ли высшее образование оставаться бесплатным? После почти тридцати лет изоляции от остального мира Китай предпринял серьезные усилия для того, чтобы присоединиться ко Всемирной торговой организации (ВТО) и стать частью глобальной экономики. Хотя рядовые граждане, кажется, не обращали на подобные проблемы особого внимания, вскоре после присоединения Китая к этой организации (в ноябре 2001 г.) термин «глобализация» стал одним из наиболее часто употребляемых в правительственных документах, академических журналах и массмедиа. Насколько озабочены китайцы возможным влиянием глобализации на китайское общество, можно судить по тому, что в последнее время в стране были проведены многочисленные конференции, семинары и беседы о бизнесе, финансах, образовании, промышленности и сельском хозяйстве, нацеленные на осознание последствий процесса глобализации в целом и вступления Китая во Всемирную торговую организацию в частности. Практически ни одна дискуссия о системе образования не обходится без постановки следующего вопроса: какой будет реакция правительства, если какой-нибудь иностранный инвестор захочет открыть университет в Китае? Какое влияние могло бы оказать такое событие на высшее образование в Китае с учетом того, что иностранные инвесторы по большей части более конкурентоспособны в финансовом, педагогическом и технологическом отношении, чем их китайские коллеги? Эта дискуссия настолько задела заинтересованные стороны за живое, что в определенных кругах получил распространение предостерегающий клич: «Волки идут!»

«Волки» не только идут, они фактически уже принимают участие в процессе. Примерно через год после того, как Китай присоединился к ВТО, многие иностранные банки, супермаркеты, представители строительной и прочих индустрий открыли свои подразделения в Китае. Хотя в основе этой экспансии лежит погоня за доходами, заложенная в самой природе бизнеса, нельзя не признать, что международные инвестиции создают много новых рабочих мест. Термин *shuangying*, означающий «быть взаимовыгодным», стал популярным при описании этого процесса. Иностранные по-

сольства и международные образовательные корпорации организовали за последнее время множество выставок о высшем образовании, демонстрировавшихся по всей стране. Учреждено множество посреднических организаций, заработавших немалый капитал на подготовке студентов к обучению за рубежом. Есть много причин, по которым молодые китайцы готовы платить большие деньги за возможность получить образование за границей, но едва ли не главная из них состоит в том, что, хотя национальная система высшего образования сильно расширилась и число студентов резко возросло, местных ресурсов явно не хватает для удовлетворения потребности в получении хорошего образования. По некоторым оценкам, в 2000/01 академическом году примерно 120 000 китайских студентов были приняты в зарубежные университеты: 50% из них в американские, 23 — в японские, 9 — в английские, 8 — в немецкие и 3% — в австралийские. В целом за рубежом учатся свыше 380 000 китайцев.

В то же время быстро растущая экономика Китая оказалась столь привлекательной для иностранных институтов высшего образования, что многие из них собираются разработать (или уже разработали) совместные программы обучения, организовать в Китае исследовательские центры и расширить местные институтские кампусы. В конце 2002 г. в Китае работали 712 учебных заведений, имеющих тесные связи с соответствующими иностранными учреждениями. Географически большинство из них расположены в развитых регионах восточной части Китая. В Шанхае 111 таких институтов, в провинции Цзянсу — 61, в провинции Шаньдун — 78 и в Пекине — 108. Коспонсорами 154 из них являются Соединенные Штаты, 146 поддерживаются Австрией, 74 — Канадой, 58 — Японией, 40 — Великобританией, 24 — Францией, 14 — Германией и 12 — Южной Кореей. 82 из них представляют собой трехгодичные профессиональные институты уровня спецучилищ, 69 — четырехгодичные институты уровня колледжа и 74 концентрируют усилия на подготовке аспирантов [8]. Чтобы обеспечить соответствие даваемой этими институтами подготовки национальным требованиям к «сверхшкольному» образованию, в июле 2003 г. были опубликованы постановления, регламентирующие деятельность учебных заведений, финансируемых совместно китайской и зарубежной стороной: такого рода учреждениям запрещено заниматься предпринимательской деятельностью, они должны быть некоммерческими и находиться под общим управлением государственного Министерства образования.

Между тем университеты, относящиеся к государственному сектору, предприняли огромные усилия для учреждения региональных и международных исследовательских центров, подписания соглашений об обмене с университетами разных стран и создания программ по обмену учеными и студентами с иностранными университетами и организациями, связанными с образованием. Пекинский университет, например, разработал совместный учебный

проект с Калифорнийским университетом, открыл в своем кампусе Стэнфордское отделение, учредил совместный учебный центр Пекин — Васеда (Васеда — один из крупнейших университетов Японии. — *Примеч. пер.*), организовал Лондонскую летнюю школу и реализовал программу по обмену студентами с Йелем и некоторыми московскими и парижскими университетами. Часть этих программ финансируется из внешних источников, другие являются платными для студентов.

В частных и государственных университетах существует также внушительный рынок услуг по получению степеней MBA (Master of Business Administration — магистр делового администрирования) и MPA (Master of Public Administration — магистр по отношениям с общественностью), повышению квалификации руководящих кадров и осуществлению программам по развитию человеческих ресурсов. Некоторые из них очень дорогие: так, одна программа по получению MBA, организованная в виде двухнедельной сессии в Гарварде, стоит 200 000 китайских юаней (около 25 000 долл.). В результате все эти услуги — сертификатные программы, курсовые пакеты, занятия по усовершенствованию и повышению квалификации, школы «электронного образования» и т.п. — больше напоминают дорогостоящие товары, чем привычные средства обучения. В то время как общественность в целом видит в глобализации инструмент модернизации своей страны, а политика правительства нацелена на оживление этого процесса с помощью науки и образования, некоторые вузы рассматривают высшее образование почти исключительно как рыночный товар, на котором можно хорошо заработать.

Именно эти и подобные им факторы разожгли страсти в дискуссии о коммерциализации высшего образования. Некоторые исследователи утверждают, что высшее образование должно быть коммерциализировано, поскольку это в любом случае очень дорогостоящее предприятие. Термин *shuangying* («быть взаимовыгодным») представляется здесь уместным лишь до некоторой степени; он становится весьма двусмысленным, если принять во внимание проблемы равенства и общественного блага, поскольку тот, кто не имеет возможности платить, не получит от этой стратегии никакой выгоды и останется на обочине. В таком подходе заложена большая опасность: ввиду того что образование становится все более дорогим товаром, понятие о нем как об общественном благе будет все больше подрываться стремлением приватизировать институты, еще остающиеся государственными.

Jiegui и американская модель как образец для подражания

Термин *jiegui* («быть в соответствии с») был изобретен недавно, чтобы обозначить направление, в котором происходят изменения в экономике и политике страны в сфере международной торговли. Но эта концепция была поставлена под сомнение как правительственными функционерами, так и населением, потому что по всей стране распространились предприятия, нещадно загрязняющие

окружающую среду, в то время как условия труда постоянно ухудшались, а рабочим зачастую плохо платили. В сфере высшего образования сложилась не менее тревожная ситуация, которая была, пожалуй, отягощена отсутствием четких параллелей с национальным опытом в других областях жизни. Многие народы ставили перед собой цель сохранить местную культуру и национальные особенности, в то же время принимая участие в глобальной экономике. Эти противоречивые цели были должным образом сбалансированы в системе высшего образования США. В связи с этим неудивительно, что именно американская модель привлекла пристальное внимание китайских организаторов образования.

Начиная с 1980-х годов многие китайские студенты ездили учиться в США. Успехи американских исследовательских университетов, которые внесли огромный вклад в развитие экономики США, в повышение конкурентоспособности американской промышленности и в достижение превосходства США над другими странами в военной мощи, разумеется, вызывали у китайцев (и не только у них) большой интерес. В 1998 г., когда Пекинский университет отмечал свой столетний юбилей, многие президенты американских исследовательских университетов были приглашены в кампус, чтобы обменяться взглядами и опытом. В последнее время задача создания исследовательских университетов заняла одно из первых мест в повестке дня политиков, принимающих решения в данной сфере деятельности. Хотя китайская система высшего образования использовала американскую модель как ориентир в процессе своего реформирования, она, тем не менее, сохраняет свое своеобразие. Например, некоторые китайские университеты недавно переняли американскую систему, при которой заслуженные профессора получают *tenure* — постоянную должность с высоким окладом. В Соединенных Штатах система *tenure* была изначально введена для защиты академической свободы, и шанс получить *tenure* предоставляется только преподавателям, поднявшимся до уровня адъюнкт-профессора. Однако в Китае эта система используется для того, чтобы стимулировать продуктивность работы профессорского состава. Чтобы стать полным профессором в Пекинском университете, член кафедры должен опубликовать как минимум восемь статей в ключевых профессиональных журналах и по меньшей мере одну книгу по своей специальности за пять лет. Он должен также получать ежегодно не менее 30 000 юаней из исследовательских фондов.

Как известно, американские исследовательские институты имеют тесные связи с промышленностью США. В 1995 г. американская промышленность инвестировала 1,5 млрд долл. в исследовательские институты своей страны. Китайские университеты позаимствовали этот опыт, но вместо того чтобы лицензировать свои изобретения в сфере индустрии, как это делают североамериканские вузы, они предпочитают открывать собственные высокотехнологические компании. Например, Пекинский университет имеет

шесть больших компаний, самая известная из которых значится в списках игроков на фондовых рынках Гонконга и Японии. Причин, по которым китайские университеты склоняются к тому, чтобы учреждать собственные компании, несколько, но главная состоит в том, что на протяжении 1980–1990-х годов хайтековская индустрия в стране была слаба и обычные компании, как правило, не имели возможности внедрить в производство новые изобретения и технологии. А университетские преподаватели могли при помощи своих студентов трансформировать знания или изобретения непосредственно в производство.

Сегодня внимание китайцев сфокусировано главным образом на поисках способа построить университет мирового класса при ограниченных финансовых ресурсах. Но что такое «университет мирового класса»? Поскольку в мире не существует общепризнанных стандартов, сама идея создания такого вуза неоднократно подвергалась сомнению. В конечном итоге в качестве ориентира были избраны Гарвардский, Стэнфордский, Оксфордский и Кембриджский университеты. Центральное правительство Китая намерено увеличить свои инвестиции в высшее образование, при этом оно планирует в первую очередь вкладывать больше денег в лучшие университеты, чтобы добиться их дальнейшего совершенствования. Пекинский университет и Университет Циньхуа были выбраны в качестве первопроходцев. И здесь мы снова сталкиваемся с американской моделью: правительство инвестирует в исследовательские университеты. В 1990-е годы в Китае были разработаны два финансируемых правительством проекта: «Проект 211» и «Проект 985». Цель «Проекта 211» состояла в том, чтобы добиться выхода в XXI в. ста ключевых китайских университетов на мировой уровень. Многие университеты страны боролись за право принять участие в этом проекте. «Проект 985» получил свое название по дате празднования столетия Пекинского университета в мае 1998 г. (98/5), которая рассматривалась как отправной пункт в создании университетов мирового класса. Поначалу в эту программу были включены только Пекинский университет и Университет Циньхуа, но когда план был окончательно утвержден центральным правительством, в нем значились девять университетов, получавших право на государственные инвестиции. В 2004 г. «Проект 985» расширился: в него были включены 34 ведущих исследовательских университета Китая. Теперь они предпринимают большие усилия по укреплению своих позиций в исследовательской и преподавательской деятельности, в сотрудничестве с бизнесом и в научном обмене с хорошо известными университетами мира. Инициированные государством проекты можно рассматривать как его главный публичный ответ на вызовы глобализации.

В 2002 г. перед китайскими вузами была поставлена задача: к 2005 г. университеты должны проводить 15% своих курсов на английском языке. Конечно, главная цель этого требования состояла в подготовке руководящего персонала, который мог бы работать

на международных рынках без языкового барьера и научился бы мыслить в более глобальной перспективе. Неизвестно, насколько практически выполнимым окажется это условие для всех китайских вузов, поскольку изучение английского языка требует определенного уровня компетенции как от преподавателей, так и от студентов, а также подготовки соответствующих программ и обеспечения вузов необходимыми учебниками и пособиями. Такие высшие учебные заведения, как Пекинский университет, по-видимому, не испытывают особых трудностей в выполнении этого решения: более трети его преподавательского состава получило образование в англоговорящих странах. Трудно сказать, сможет ли решить эту задачу большинство китайских университетов.

Будучи развивающейся страной, переживающей период бурного экономического роста в условиях ускоренной глобализации, Китай проводит реформы в экономике и системе образования в контексте процессов, связанных с последствиями глобализации. Что означает глобализация для высшего образования Китая? Как информационные технологии влияют на происходящие изменения и что произойдет с системой китайского высшего образования в будущем? Мы рассмотрели некоторые аспекты тех перемен, которые произошли в китайском высшем образовании в ответ на проводившиеся в стране экономические реформы и рост интеграции в глобальную циркуляцию идей и вещей. Альтбах [1. Р. 1] описывает глобализацию и интернационализацию высшего образования следующим образом:

«В широком понимании глобализация относится к тем тенденциям в высшем образовании, которые имеют межнациональные импликации. Они включают в себя, среди прочего, массовость высшего образования, глобальный рынок, открытый для студентов, преподавателей и высококвалифицированного персонала, а также глобальную доступность основанных на использовании Интернета технологий. Интернационализация предполагает определенную политику и инициативы стран и отдельных академических институтов или систем, позволяющие адаптироваться к глобальным тенденциям. Примеры интернационализации можно увидеть в стратегии работы с иностранными студентами, сотрудничестве с академическими институтами или системами в других странах и в организации своих филиалов и кампусов за рубежом».

Недавнее социологическое исследование, проведенное ЮНЕСКО, показало, что в конце 2000 г. «за рубежом в 108 странах мира учились 1,6 млн студентов. Среди них более 547 000 — в Соединенных Штатах». В этом обзоре не говорится о том, сколько денег тратится на обучение студентов за рубежом, но, по некоторым оценкам, иностранные студенты принесли Соединенным Штатам 10 млрд долл. в 1994 г. Согласно данным, опубликованным в *Straits Times* в мае 2004 г., в 2003 г. иностранные студенты дали американской экономике 11 млрд долл., а общий доход от иностранных

Глобализация
и смена
парадигмы
в образовании

студентов, обучавшихся в Австралии, вырос с 701 млн долл. в 1998 г. до 1,4 млрд долл. в 2002 г.

Ввиду того что уровень правительственного финансирования образования в большинстве стран снизился, университеты, скорее всего, интенсифицируют привлечение платных иностранных студентов, чтобы залатать дыры в бюджете. Как мы отметили выше, дисбаланс между спросом и предложением является одной из причин, по которым так много выпускников китайской средней школы вынуждены ехать за границу, чтобы продолжить образование. В 1999 г. центральным правительством было принято решение увеличить прием в вузы на 30%. В 1998 г. в университеты и колледжи были зачислены 1,08 млн студентов, а в 1999 г. их численность возросла до 1,59 млн, т.е. почти на 50%. Поскольку прием в вузы вырос, учащиеся старших классов средней школы, которые были бы вынуждены поехать за границу для продолжения образования, смогли поступить в университеты у себя на родине. Судя по всему, таким образом стране удалось сэкономить свыше 10 млрд юаней. Можно сказать, что глобализация высшего образования сама по себе уже принесла большую выгоду, последствия которой особенно ощутимы именно в Китае.

Если смотреть на глобализацию с чисто экономической точки зрения, представляется очевидным, что она делает акцент на единообразии в правилах функционирования бизнеса, финансов и торговли и обращения товаров и услуг. Такие организации и структуры, как ВТО, Организация экономического сотрудничества и развития (OECD), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (GATT) и Генеральное соглашение по торговле услугами (GATS), вносят свой вклад в этот процесс унификации. Однако в сфере образования действуют лишь отдельные общепринятые правила регулирования. Если даже рассматривать образование как вид товара, его, разумеется, нельзя купить, как пару ботинок. Дело в том, что образование немислимо в отрыве от культуры и ценностей: именно наследование культурных традиций и ценностной системы делает образование интересным и значимым для людей всего мира. Как подчеркивает Дуглас Келлнер [3. Р. 305], культура предоставляет населению «формы местной идентичности, практики и модели повседневной жизни, которые могут служить бастионом против вторжения идей, идентичностей и форм жизни, чуждых данному региону. Образование, в свою очередь, преобразует имеющиеся навыки и контенты, что позволяет индивидам проявлять творческий подход к участию в своей культуре».

Таким образом, размышляя о смене парадигмы в китайском высшем образовании, мы должны иметь в виду не только экономический рост или деньги, сэкономленные или заработанные, но также и культуру, и социальные ценности, которые приносит высшее образование студентам и обществу в целом.

Китай проходит через период стремительного и беспрецедентного экономического развития, с которым ассоциируются такое

явление, как нарастание массовости высшего образования. Доля молодых людей, поступающих в вузы, достигла в 2004 г. 19% от числа выпускников средней школы, имеющих право на поступление. В настоящее время в Китае свыше 3000 высших учебных заведений, в которых учатся около 19 млн студентов. В то время как колледжи и университеты продолжают наращивать численность зачисляемых студентов, многие образовательные агентства, местные и зарубежные, также предлагают академические программы как в кампусах, так и в форме «электронного обучения». Принимая во внимание наличие на рынке такого количества агентств, легко понять, почему контроль качества стал главной заботой администраторов. Кто должен осуществлять контроль качества? Как его обеспечить? Каковы стандарты качества в образовании? Эти и другие связанные с ними вопросы, требующие серьезных размышлений, находятся сейчас в центре внимания педагогической общественности Китая. Университеты, научные организации и центральное правительство приглашают международных экспертов для обмена идеями; для решения этих вопросов были инициированы масштабные государственные проекты. Некоторые исследователи полагают, что массовое высшее образование должно отличаться от элитного высшего образования. Тогда, если различные высшие учебные заведения ставят перед собой разные образовательные задачи, не должно быть единого стандарта качества для оценки работы всех вузов.

Глобализация не предполагает уравниловки — не в последнюю очередь потому, что разные страны участвуют в соответствующих процессах исходя из различных экономических, культурных и социальных предпосылок. Имущие и неимущие имеют совершенно разные стартовые условия, что уже было разъяснено другими авторами данного тома (см. особенно: Нейбауэр — гл. 1, Мейсон — гл. 3 и Хершок — гл. 4). Нехватка ресурсов не позволяет беднякам пожинать плоды глобализации. Отчет Всемирного банка [6] ясно показывает, с какими проблемами сталкиваются жители развивающихся стран: «Высшее образование теперь уже не роскошь. Оно совершенно необходимо для национального, социального и экономического развития». Предоставление «неблагополучным» группам населения возможности получить высшее образование должно стать предметом острой озабоченности для политиков местного и национального масштаба, в том числе и в Китае. Особую тревогу вызывают такие явления, как существенное неравенство в распределении образовательных и экономических ресурсов по стране, ограниченный доступ к высшему образованию малообеспеченных групп населения и диспропорции в региональном развитии образования. Поэтому большое внимание общественности привлекли меры по переподготовке руководящих кадров, нацеленные на то, чтобы эти проблемы были осознаны на системном уровне. Недавно Министерство образования Китая провело две конференции президентов китайских и зарубежных университетов, боль-

шинство участников которых были китайцами. Хотя эти мероприятия назывались конференциями, на самом деле это было нечто вроде курсов переподготовки для президентов китайских университетов: президенты иностранных вузов были приглашены на них, чтобы они поделились своими взглядами и опытом с китайскими коллегами. Предполагалось, что участвовавшие в конференции президенты китайских университетов проникнутся более глубоким пониманием механизмов взаимодействия локальных, национальных, региональных и глобальных сил и проблем, которые следует принимать во внимание при принятии решений по реформированию и развитию системы обучения во вверенных им институтах.

Глобализация по-разному отражается на странах, стоящих на разных этапах развития. Для высокоразвитых стран глобализация является прежде всего возможностью открыть для себя новые международные рынки и получить доступ к дополнительным природными и человеческим ресурсам. В случае Китая глобализация означает нечто большее, чем особый характер проведения экономических реформ. Хотя Китай впервые проявил открытость по отношению к процессам глобализации через экономические реформы, последствия такого шага сказались не только на экономике, но также и на политике, социальной сфере, культуре и образовании. Во многих отношениях траектория изменений в высшем образовании Китая была уникальной: это был переход от системы советского типа, направленной на подготовку специалистов для социалистической индустриализации, — через период культурной революции — к постепенной интеграции в глобально доминирующую образовательную парадигму (см.: Джон Хоукинс, гл. 5 данного тома см. сноску 1 на с. 33), хотя и с «китайской спецификой».

Совершенно очевидно, что стремление Китая вписаться в доминирующую образовательную парадигму было обусловлено потребностями национального экономического развития. В 2002 г. правительство выдвинуло план на ближайшие 20 лет, согласно которому Китай должен приложить все усилия, чтобы стать страной со среднемировым уровнем доходов населения. В этом контексте образование, и особенно высшее, выдвинулось на передний план. С 1993 г. постоянно подчеркивалась важность высшего образования для экономического развития, проводилась политика, предусматривавшая укрепление страны при помощи науки и образования. Совсем недавно была организована оживленная дискуссия между учеными и политиками о том, как повысить уровень квалификации населения страны (составляющего 1,3 млрд человек). Эта масштабная проблема не может быть решена только за счет денежных инвестиций, в связи с чем было высказано много различных идей. Одна из предполагаемых программ действий предусматривает обучение фермеров-мигрантов основам профессиональных, социальных и юридических знаний.

Ясно, что глобализация и связанные с ней экономические реформы, сопровождающиеся сменой парадигмы в образовании,

в Китае далеки от завершения. В этом процессе высшее образование используется как стратегия, направленная на повышение темпов экономического роста и развития страны, — вполне стандартное выражение до сих пор глобально доминирующей парадигмы. Проблемы, стоящие перед высшим образованием и вызывающие потребность в появлении новой образовательной парадигмы, заключаются не только в повышении уровня знаний студентов, но и в том, чтобы внести в процесс обучения моральные и социальные ценности, без чего нельзя будет преодолеть образовательное, социальное и гендерное неравенство, выработать должное отношение к культурному многообразию и защите окружающей среды. Речь идет о базовых элементах, необходимых для стабильного развития общества. Ими-то и определяются ключевые задачи развития высшего образования как в мировом масштабе, так и в Китае — развивающейся стране XXI в.

Литература

---

1. Altbach P. (2002) Perspectives on Internationalizing Higher Education // International Higher Education, The Boston College Center for International Higher Education. No. 27 (Spring) // http://www.bc.edu/bc_org/avp/soe/cihe/newsletter/News27/text004.htm.

2. Hawkins J. (2000) Centralization, Decentralization, Recentralization: Educational Reform in China // Journal of Educational Administration. Vol. 38. No. 5. P.442–454.

3. Kellner D. (2000) Globalization and New Social Movements: Lessons for Critical Theory and Pedagogy' // Globalization and Education: Critical Perspectives / Burbules N.C., Torres C.A. (eds.). New York: Routledge. P. 299–321.

4. Marginson S., Rhoades G. (2002) Beyond national states, markets and systems of higher education: a glonacal agency heuristic // Higher Education: an International Journal of Higher Education and Educational Planning. Vol. 43. P. 281–309.

5. Mason M. (2004) Complexity theory and educational change // Paper presented at the International Forum for Education 2020 at the East-West Center, Honolulu HI, 21st September.

6. The Task Force on Higher Education and Society, World Bank and UNESCO (2000) Higher Education in Developing Countries: Peril and Promise. New York: UNESCO.

7. Trow M. (1973) Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education Berkeley: Carnegie Commission on Higher Education.

8. Yang Yinfu (2005) Chinese-foreign Cooperation in Running Schools. Beijing: National Center for Education Development Research. Document no. 20050919.